

МЫ ВХОДИМ В НОВЫЙ ТЕАТР

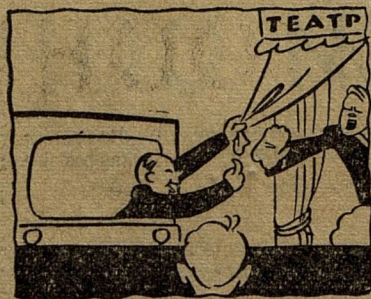
СТРАННЫЕ и нелепые взаимоотношения складываются у нас иногда между театрами и студиями телевидения. Несмотря на родственные связи, отношения эти не блещут сердечностью. За короткое время бурного расцвета телевидения у деятелей обоих видов искусства накопилось множество взаимных претензий.

Руководители телевизионных студий, в первую очередь московской, с возмущением сетуют на «злых театральные даядей», которые не желают показывать свои спектакли миллионам телезрителей и препятствуют участию своих актеров в постановках самой студии.

Театральная администрация, в свою очередь, доказывает, что спектакль, один раз показанный на экранах телевизора, будет иметь аудиторию, во много тысяч раз превышающую вместимость театра, и это сразу отразится на его посещаемости. Кроме того, трансляция спектакля настолько ухудшает его звучание и художественные достоинства, что роняет авторитет, дискредитирует лицо театра. Что же касается актеров, то театры обычно не возражают против их участия в телевидении, если это не вредит интересам дела. Но, к сожалению, такое участие нередко весьма отрицательно сказывается на основной работе актеров.

В этих ненормальных отношениях есть и третья, пожалуй, наиболее страдающая сторона, о которой нельзя забывать, — зритель. Пока «паны дерутся», советским зрителям показываются по телевидению слабые постановки с неподготовленными исполнителями или старые, давно знакомые спектакли наших театров.

К сожалению, предпринимаются лишь слабые попытки по-деловому урегулировать эти распри и серьезно взяться за создание полноценных телевизионных постановок.

Недавно я получил приглашение поставить для Центральной студии телевидения одну из классических пьес. Хотя я очень загружен в театре, это предложение показалось привлекательным и заманчивым. Студия предоставила право выбора любой пьесы из намеченного ею репертуарного плана. Он оказался обширным, но удивительно односторонним, словно составитель его отбирал все наиболее известное, что уже поставлено в театрах или экранизировано для кино.

Еще более поразила меня беседа с одним из руководителей студии о характере будущей постановки. Я представил себе необходимым сделать сценарий пьесы, разбить его на кадры, использовать натуру — словом, готовить телеспектакль, отвечающий особенностям этого жанра. Работники телевидения очень настроенно отнеслись к таким соображениям:

— Вы готовьте обычный спектакль, как для театра, — сказали мне, — а потом мы уж как-нибудь перенесем его на наш экран.

Вот в этом-то и состоит большая беда нашего телевидения — его работники не видят принципиального различия между театральными и телевизионными спектаклями. А ведь при всей общности между ними есть и огромное принципиальное различие. Это **особые** жанры искусства со своими, только им присущими, выразительными средствами.

У театра и телевидения нет и не может быть конкуренции, распрей, ущемлений любого рода, так же, как нет их у театра с кинематографом, цирком, радио и т. д., ибо каждый жанр, каждый вид искусства имеет свои особенности.

Театр, как известно, строится на непосредственном контакте между актерами и аудиторией, на неповторимом аромате этого живого общения. И актерская работа, и искания постановщика, и декоративные решения, и даже такие «технические вопросы», как освещение и грим, исходят из специфики открытой сцены, ее особых условий и взаимоотношений со зрителем.

У телевизионного спектакля совсем иные принципы. Телезритель смотрит спектакль обычно в домашних условиях, где другое восприятие происходящего, другое самочувствие. У актера нет ощущения непосредственного контакта со зрителями. Перед ним — микрофон, требующий особого отноше-

ния к слову, знания его акустики, умения ею пользоваться. Выдающийся мастер русского театра

М. М. Тарханов, когда выступал перед микрофоном, помнится, трепетно искал новые выразительные средства, интонации, чувствовал себя при этом очень неуверенно, даже робко. К этому надо добавить, что актерскую работу затрудняет и обилие света.

Особенности телевизионного экрана требуют от режиссера особых мизансцен, более острых рисунков ролей, совсем нового решения массовых сцен. Эти особенности открывают такие возможности, которых нет у театра, — использование природы, средств кино и т. д. Все это неизмеримо расширяет творческие горизонты телевизионных постановок.

Скажу откровенно, у меня вызывает опасение работа телевизионного театра. Если он будет самым обычным театром, то это может принести только вред развитию телевидения. Нет, нужен совершенно **новый** театр, где будет строго учитываться специфика телеэкрана. Здесь надо ставить спектакли не для посетителей, сидящих в зале, а для миллионов, которые незримо в нем присутствуют, находясь у своих телевизоров.

Мне представляется этот театральный зал лишь местом общественных просмотров, дискуссий, обсуждений, новых исканий, проб, экспериментов, лабораторных работ. А телевизионный спектакль должен создаваться не только на

сцене, но и на природе, на панорамах города, села, завода.

Будущий телевизионный театр должен стать большим актерским объединением. Странно, что крупная московская телестудия, которая должна за год осуществить сотни самых разнообразных постановок, не имеет сейчас своего актерского состава и базируется только на использовании «варягов». Невозможна нормальная работа такого гигантского зрелищного предприятия без своих исполнительских сил, освоивших специфику, особые формы и технику работы в телевидении. В будущем театре должно быть, очевидно, несколько трупп, состоящих из актеров самых разных жанров и направлений, а также актеров синтетического мастерства, которые могут играть и пятиминутный скетч, и классическую пьесу, и старинный водевиль, и злободневное ревью.

У телеэкрана часто думаешь о том, как нужны здесь люди с фантазией, эрудицией, вкусом, высокой культурой. Трудно понять, почему квалифицированные профессиональные драматурги явно избегают делового общения с телевидением: ведь так соблазнительны возможности творить для такой огромной и благодарной аудитории.

Да, телевидению надо помочь. Нужны действительно тесные творческие контакты, по-настоящему дружеский, активный труд на пользу советского искусства.

М. ЦАРЕВ,
народный артист СССР.